

Лев Толстой

Зеленая палочка.

I.

Если бы человекъ послѣ долгаго сна, во время котораго онъ забылъ все, что было прежде, проснулся въ новомъ, незнакомомъ ему жилищѣ, обитаемомъ такими же, какъ и онъ, существами, людьми и животными, суетящимися, хлопчущими, что-то, не переставая, дѣлающими, то первое, что сдѣлалъ бы такой человекъ, — по старался бы понять, кто и зачѣмъ помѣстилъ его въ это новое, странное мѣсто, и что ему дѣлать въ этомъ мѣстѣ, какъ употребить тѣ силы, ту потребность дѣятельности, которыя онъ чувствуетъ въ себѣ? Отвѣтъ на эти вопросы и есть то, что называется религіей. И безъ этихъ отвѣтовъ нельзя хорошо жить на свѣтѣ разумному человеку.

Кто помѣстилъ меня въ это странное мѣсто?

Не знаю и не могу знать, но навѣрное знаю, что этотъ кто-то есть, и что онъ и помѣстилъ меня въ этомъ мѣрѣ. Знаю это навѣрное, потому что я не могъ по своей волѣ явиться въ этотъ мѣръ, потому что я никогда не хотѣлъ этого, да и не могъ хотѣть, потому что меня до появленія въ этотъ мѣръ какъ будто бы не было, или, по крайней мѣрѣ, я ничего не помню о томъ, чтобы я былъ когда-нибудь прежде. Если я спрошу, когда начался я, настоящій я, то я получу еще менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Мнѣ говорятъ, что я появился нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ утробы моей матери. Но то, что появилось изъ утробы моей матери, есть мое тѣло, то тѣло, которое очень много времени не знало и не знаетъ о своемъ существованіи и которое очень скоро, можетъ быть, завтра, будетъ зарыто въ землю и станетъ землею. То же, что я сознаю своимъ я, появилось не одновременно съ моимъ тѣломъ. Это мое я началось не въ утробѣ матери и не по выходѣ изъ нея, когда отрѣзали пуповину, и не тогда, когда отняли отъ груди, и не тогда, когда, я началъ говорить. Я знаю, что это я началось когда-то, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я знаю, что это я всегда было. Такъ что я во времени не могу найти своего настоящаго я, буду ли я искать его совсѣмъ близко или бесконечно далеко. Я какъ будто никогда не появлялся, а всегда былъ и есть и только забылъ свою прежнюю жизнь.

Такъ что я рѣшительно не могу сказать что я та кое. Знаю только то, что я и мое тѣло — не одно и то же.

Второй вопросъ: что такое тотъ міръ, въ которомъ, входя въ разумъ, застаю себя?

Міръ этотъ — не моя семья и мой дворъ, Ермилиныхъ или Толстыхъ въ Ясной Полянѣ, и не домъ и дворъ Бауэровъ въ Баваріи, или Шмитовъ въ Англіи, или Робинзоновъ въ Огайо, Америкѣ, или Фоханчи въ читайской деревнѣ или въ Пекинѣ, а это весь огромный міръ всѣхъ людей, населяющихъ планету землю и въ Сіамѣ, и въ Исландіи, и Мадагаскарѣ, и во всѣхъ мѣстахъ, которыя я знаю и о которыхъ не знаю. И міръ этотъ составляютъ не только тѣ 1,500 милліоновъ людей, которые, какъ я слыхалъ, населяютъ теперь землю, но еще и всѣ тѣ милліарды людей, которые жили до меня во времена, извѣстныя мнѣ, и въ продолженіе еще многихъ тысячъ лѣтъ, во времена, неизвѣстныя мнѣ, а также и тѣ люди, которые теперь рождаются, растутъ и будутъ жить еще безконечное количество лѣтъ, когда отъ ихъ костей не останется никакого признака. Вотъ эти-то всѣ люди, кромѣ того, еще безконечное количество разнообразныхъ породъ животныхъ, отъ микроскопической козявки до слона и бегемотовъ, и такое же безконечное количество растений и безжизненныхъ существъ не только на планетѣ землѣ, но внѣ ея, на другихъ планетахъ, и на солнцахъ и милліонахъ звѣздъ, на безконечныхъ разстояніяхъ, окружающихъ землю и распространяющихся безъ конца во времени, — вотъ это-то составляетъ тотъ міръ, въ которомъ я появился и который я увидалъ, когда во мнѣ пробудился разумъ.

Въ этомъ безконечномъ со всѣхъ сторонъ и по времени и по пространству мірѣ я появился вчера, или, по нашему счету, — 10, 20, 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ, какъ я слышалъ отъ людей. Поводомъ моего появленія былъ бракъ моего отца съ моей матерью, и, какъ я знаю отъ другихъ людей, я былъ сначала зародышемъ, потомъ младенцемъ, потомъ ребенкомъ, юношей, мужчинбй. Появился же я, тотъ я, котораго я сознаю собою, — я не могу сказать когда. Мнѣ кажется, что я всегда былъ. Кончусь же, — тоже не знаю когда. По наблюденію надъ людьми и по тому, что случается со всѣми я знаю, что умру навѣрное черезъ 70, 80 лѣтъ, знаю, что каждый день, каждый часъ приближаюсь къ смерти, знаю, что могу умереть всякую минуту. Но, несмотря на то, что знаю это, вижу это на всѣхъ людяхъ, не вѣрю этому, не вѣрю тому, чтобы мое я могло кончиться.

Но если и такъ, то въ этомъ-то мірѣ я не всегда былъ. Зачѣмъ же я явился въ этотъ міръ? И что мнѣ въ немъ дѣлать?

Что мнѣ съ своимъ крошечнымъ тѣлрмъ и крошечнымъ опредѣленнымъ срокомъ жизни дѣлать въ этомъ безконечномъ по пространству и зрени мірѣ?

Самый обыкновенный отвѣтъ на этотъ вопросъ, представляющійся человѣку, жившему до пробужденія своего разума животной жизнью, — въ томъ, что живетъ онъ затѣмъ, чтобы ѣсть, пить, спать, веселиться затѣмъ вообще, чтобы наслаждаться всѣми тѣми плотскими наслажденіями, которыя даетъ жизнь. Но стоитъ человѣку только оглянуться вокругъ себя и подумать о томъ, что ожидаетъ его, чтобы убѣдиться въ томъ, что назначеніемъ жизни не можетъ быть плотское счастье, потому что такого счастья не можетъ быть для существа, обреченнаго на борьбу, всякаго рода бѣдствія, болѣзни и неотвратимую смерть. Какое же можетъ быть счастье при жизни, неизбѣжно ведущей къ слабости, старости, смерти?! И потому ни наслажденіе, ни совершенствованіе своихъ способностей, ни совершеніе великаго дѣла, ни даже содѣйствіе благу общества — не можетъ быть назначеніемъ жизни. Все это могло бы быть, если бы не было безконечнаго по времени и пространству міра и не было бы смерти. При той же ограниченности и краткости моей жизни среди безконечности міра по времени и пространству нѣтъ и не можетъ быть никакого смысла въ дѣлахъ человѣческихъ. Для чего человѣку трудиться ради улучшенія жизни, когда вся его цѣлительность есть незамѣтная точка среди безконечнаго міра, икогда самая жизнь — только мгновеніе между цвухъ вѣчностей? И зачѣмъ трудиться для улучшенія жизни другихъ людей, когда онъ навѣрное умретъ и не увидитъ ни этой лучшей жизни ни благодарности за то, что онъ сдѣлалъ для людей? Да и тѣ, для которыхъ онъ дѣлалъ благо, исчезнутъ такъ же безслѣдно.

Такъ что отвѣты на мои вопросы, если я серьезно буду спрашивать и серьезно буду отвѣчать на нихъ, такіе:

1) На первый вопросъ, — что такое я, — отвѣтъ тотъ, что это что-то такое, какъ будто недавно начавшееся, временное, уничтожающееся и долженствующее совсѣмъ скоро уничтожиться, а, между тѣмъ, оно несомнѣнно существующее, оно то, безъ чего ничего не существовало бы. И выходитъ, что я не знаю, что такое я, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это одно, что я несомнѣнно и лучше всего знаю.

2) Отвѣтъ на второй вопросъ, — что такое тотъ міръ, въ которомъ я застаю себя живущимъ: что-то бессмысленное по своей безконечности и во времени и въ пространствѣ, что-то такое, что непремѣнно по времени когда-нибудь да началось и когда-нибудь кончится, а, между тѣмъ, никогда не могло начаться и никогда не можетъ кончиться, и

при этомъ по мѣсту тоже непременно гдѣ-нибудь кончается, а вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ не можетъ кончиться. Однимъ словомъ, что-то или бессмысленное или для меня недоступное, т.-е. я совершенно не знаю, что такое міръ, а, между тѣмъ, окруженъ имъ, живу въ немъ и въ немъ долженъ дѣйствовать. Это — на второй вопросъ.

3) На третій вопросъ, — что мнѣ дѣлать, — отвѣчаетъ тотъ, что все, что мнѣ хочется дѣлать для блага того, начавшагося въ этомъ мірѣ и имѣющаго кончиться въ немъ существа, которое я считаю собою, — все это напрасно и не имѣетъ никакого смысла. Для того же существа, которое никогда не начиналось и всегда есть и не одно и то же съ моимъ тѣломъ, съ которымъ оно связано, — для этого существа ничего не нужно. Такъ что жизнь моя для меня, — для того, что я считаю своимъ я, — не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого смысла; не можетъ имѣть смысла и для того міра, въ которомъ я живу, и дѣлать мнѣ ни для себя ни для міра ничего не нужно, и нельзя сдѣлать ничего полезнаго.

Вѣдь, если только забыть свое званіе царя, работника, судьи, фабриканта, профессора, ученаго, художника, члена семейства, а помнить одно, что я — человѣкъ, недавно появившійся въ этомъ непонятномъ мірѣ и очень скоро долженствующій изъ него исчезнуть, то нѣтъ никакой разумной цѣли въ этой жизни, и не стоитъ ничего дѣлать. Все ничтожно, все ненужно. Все, что будешь дѣлать, все будетъ бессмысленно, а, между тѣмъ, пока живъ, необходимо нужно что то дѣлать. Вся жизнь есть дѣятельность человѣка въ мірѣ, какъ лошади на колесѣ. Лошади нельзя не итти, этимъ самымъ ходомъ не двигать колеса. И человѣку нельзя не дѣлать чего-нибудь и этой самой дѣятельностью не участвовать въ движеніи всего міра. Такъ что, несмотря на то, что для меня, для человѣка и для всего міра, какъ ни поверни, жизнь моя бессмысленна, мнѣ все-таки надо дѣйствовать. Какая-то сила поставила меня въ такое положеніе, что я долженъ дѣйствовать не для себя и не для міра, а для чего-то мнѣ непонятнаго. Въ этомъ сознаниі—сущность всякой истинной религіи.

Сознание это говоритъ то, что есть какая-то сила, пославшая меня въ міръ. Въ этомъ — сущность истинной религіи. И вотъ это-то признаніе той силы, которая послала меня в міръ и которую называютъ Богомъ, и распутываетъ все дѣло и даетъ смыслъ человѣческой жизни. Жизнь моя сама по себѣ непонятна, такъ же непонятна мнѣ и жизнь всего міра. Но я живу и долженъ дѣйствовать по волѣ какой-то высшей силы. И если для меня жизнь моя непонятна, и всѣ цѣли, которыя я могу ставить себѣ или міру, для меня бессмысленны, то

жизнь моя и того міра, въ которомъ я живу, не можетъ и не должна быть безсмысленна для той высшей силы, которая послала непонятнаго себѣ, меня, въ міръ и руководить непонятной миѣ жизнью міра.

Стоить только признать эту высшую силу, — все становится ясно: конечныя цѣли моей жизни и жизниміра скрыты отъ меня недоступны мнѣ (онѣ не могутъ быть доступны ограниченному существу). Я и весь міръ суть только орудія достиженія недоступныхъ мнѣ цѣлей. И смыслъ моей жизни уже не въ конечныхъ, недоступныхъ мнѣ цѣляхъ, а въ исполненіи той неизвѣстной мнѣ цѣли, для которой я существую: въ признаніи этой высшей силы и въ служеніи ей. Въ признаніи Бога и въ исполненіи воли Его.

II.

Въ чемъ исполненіе воли Бога? Учатъ, что Богъ открылся людямъ или черезъ Моисея, или черезъ Христа, черезъ Будду.

.....

Богъ нигдѣ сразу не открывалъ Своей воли, Своего закона одному человѣку или собранію людей. Богъ открывается всегда всѣмъ людямъ, всѣмъ тѣмъ, которые ищутъ Его, Онъ открывается каждому человѣку въ его сердцѣ. Всякій человѣкъ чувствуетъ въ себѣ Бога, то начало жизни, которое не есть тѣло, но живетъ въ тѣлѣ человѣка и которое не имѣетъ нивѣса, ни мѣры, ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха, и которое никогда не начиналось и никогда не кончится. Это начало жизни въ человѣкѣ ограничено его тѣломъ и есть только часть Всего. Но по этой части человѣкъ можетъ знать Все. Все — это и есть Богъ. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ часть этого Всего и потому знаетъ Бога, не можетъ не знать Его.

Ежели же знаетъ Бога, то знаетъ и законъ Его. Законъ Бога написанъ не въ книгѣ какой-нибудь, а въ самой жизни, въ судьбѣ человѣка. Людямъ кажется, что они не знаютъ закона или ошибаются въ знаніи закона Бога (одни считаютъ одно другіе — другое закономъ Бога), только потому, что люди закрываютъ глаза на свое положеніе не хотятъ видѣть его или хотятъ видѣть его нетакимъ, какое оно есть. Если человѣкъ придетъ на станцію желѣзной дороги и, увидавъ стоящій вагонъ, войдетъ въ него, и, вообразивъ, что это его домъ, станетъ устраивать его для удобнаго жилья, намѣреваясь провести въ немъ жизнь, то онъ навѣрное будетъ удивленъ и огорченъ, когда вагонъ тронется и доѣдетъ до слѣдующей станціи, и ему велятъ выйти со

всѣмъ его устройствомъ и вещами. Человѣкъ могъ видѣть и знать, что вагонъ — не домъ, а только средство для переѣзда, и что за переѣздъ надо исполнять положенныя условія: платить и вести себя соотвѣтственно правиламъ желѣзной дороги. Большинство людей такъ же ложно или совсѣмъ не понимаетъ своего положенія въ жизни. И все дѣло въ томъ, что люди не понимаютъ своего положенія.

Въ Евангеліи есть притча о виноградаряхъ, въ которой разсказывается о томъ, что одинъ хозяинъ насадилъ садъ и огородилъ его, вырылъ въ немъ колодець, построилъ башню, отдалъ садъ виноградарямъ (садовникамъ) съ тѣмъ, чтобы они давали ему плоды сада. Садовники же, владѣя садомъ, вообразили себѣ, что садъ — ихъ собственность, и они ни передъ кѣмъ ничѣмъ не обязаны, и выгнали и даже убили тѣхъ пословъ, которыхъ хозяинъ послалъ за плодами. Когда хозяинъ узналъ объ этомъ, онъ выгналъ садовниковъ. Такъ что садовники погубили свою жизнь тѣмъ, что не поняли своего положенія.

То же и съ людьми. Только не кто-либо другой, а они сами губятъ себя. Только ясное пониманіе своего положенія въ жизни открываетъ людямъ законъ Бога. Человѣкъ можетъ сказать, что онъ не знаетъ Бога, но не можетъ сказать, что онъ не знаетъ закона Бога, потому что законъ Бога управляетъ его жизнью, какъ жизнью всякаго существа, и человѣкъ, если и можетъ умомъ не знать этого закона, не можетъ не чувствовать его.

III.

Всѣмъ людямъ хочется жить радостно, въ любви и согласіи, не болѣть, не страдать, не умирать, и всѣ, живутъ въ раздѣленіи, во враждѣ другъ съ другомъ, всѣ болѣютъ, всѣ страдаютъ и умираютъ. Отчего это? Зачѣмъ Богъ сотворилъ людей такъ, что всѣ они желаютъ добра и всѣ мучаются. Отчего это?

Ученіе Христа отвѣчаетъ на это: Христосъ говорилъ, что ему жалко людей за то, что они изнурены и разъединены, какъ овцы безъ пастуха, и Онъ призываетъ ихъ къ себѣ и всѣмъ обѣщаетъ благо. Онъ говоритъ: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ меня всѣ, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ». Христосъ говоритъ людямъ, что всѣ ихъ бѣдствія — оттого, что они не понимаютъ своего положенія, воображаютъ себѣ не то, что есть, забываютъ, кто они такіе, и что если бы они понимали свое положеніе и помнили его, то жизнь ихъ была бы не мученіе, а радость.

Это высказано въ Евангеліи много разъ, это сказано особенно ясно въ притчѣ о виноградаряхъ: хозяинъ посадилъ садъ, все устроилъ въ немъ (садъ, это — міръ, хозяинъ, это — Богъ) и отдалъ садъ виноградарямъ съ тѣмъ, чтобы они, работая въ саду, отдавали ему плоды. Но виноградари забыли то, что садъ не ихъ собственный, и что они могутъ пользоваться плодами его только съ тѣмъ, чтобы отдавать угоренное хозяину. И когда хозяинъ потребовалъ плодовъ сада, виноградари не дали плодовъ, а выгнали пословъ. Тогда хозяинъ выгналъ ихъ. И они стали несчастны.

Такъ же несчастны становятся люди, когда они вообразятъ себѣ, что жизнь — ихъ собственность, и каждый можетъ дѣлать съ ней что хочетъ, не исполняя того, что отъ него хотѣлъ Богъ, давшій ему жизнь.

Таланты, такъ же, какъ и жизнь, даны только затѣмъ, чтобы на нихъ работать. Тотъ, кто не работаетъ въ жизни, лишается всего того, что хочетъ Хозяинъ; тогъ же, кто работаетъ для Бога, тотъ получаетъ все болыле и больше.

То же сказано въ притчѣ объ управляющемъ, котораго хозяинъ оставилъ въ своемъ домѣ. Управляющій, вмѣстото, чтобы заботиться о домѣ хозяина, сталъ веселиться и тратить на себѣ хозяйское добро. И хозяинъ наказалъ и выгналъ его.

Въ этихъ притчахъ сказано то, чѣмъ не должно понимать себя человѣку; въ притчѣ же о рабѣ, вернувшемся съ поля, показано, какъ и чѣмъ лолженъ себя понимать всякій человѣкъ въ мірѣ.

Кто изъ васъ, — сказано въ этой притчѣ, — имѣя раба пашущаго или пасущаго, по возвращеніи его съ поля скажетъ ему: пойдѣ скорѣе, садись за столъ?

Напротивъ, не скажетъ ли ему: приготовь мнѣ поужинать и, подпоясавшись, служи мнѣ, пока буду ѣсть и пить, и потомъ ѣшь и пей самъ?

Станетъ ли онъ благодарить раба сего за то, что онъ исполнилъ приказаніе? Недумаю.

Такъ и вы, когда исполните все повслѣнное вамъ говорите: мы рабы, ничего не стояшіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать (Лука XVII, 7, 8, 9, 10)

Все ученіе Христа въ томъ, чтобы человѣкъ пони малъ свое положеніе.

Не понимаетъ его человѣкъ, и, что бы онъ ни дѣлалъ, какъ бы ни старался устроить свое счастье, ему не можетъ быть хорошо, такъ же, какъ не можегъ быть хорошо работнику, не исполняющему условій своего найма.

Только когда человѣкъ понимаетъ свое положеніе, понимаетъ, что онъ не хозяинъ своей жизни, а и рабъ и сынъ Божій и потому долженъ исполнить свои обязанности передъ Богомъ, ему можетъ быть хорошо и въ жизни.

Это же самое сказано въ словахъ Евангелія: ищите Царствія Божія и правды Его (т.-е. того, чего хочетъ Богъ), и все остальное приложится вамъ (т.-е. все то, что нужно людямъ для блага ихъ, все получится ими).

Для того, чтобы человѣкъ получилъ то благо, которое возможно для него, нужно, чтобы человѣкъ не обманывалъ самъ себя и понималъ свое положеніе.

Въ чемъ же истинное положеніе человѣка въ мірѣ и въ чемъ тотъ обманъ, который дѣлаетъ человѣка несчастнымъ?

Обманъ въ томъ, что люди забываютъ о смерти, о томъ, что они въ этомъ мірѣ не живутъ, а проходятъ. Въ этомъ обманѣ находятся дѣти и очень часто взрослые люди. Очень часто взрослые люди даже до старости не думаютъ о смерти, живутъ такъ, какъ будто нѣтъ смерти, какъ будто увѣрены, что будутъ жить вѣчно.

Единственный смыслъ, который можетъ придать жизни человѣкъ, не забывающій свою смертность, тотъ, что онъ — не самостоятельное существо, а только орудіе воли Бога. По волѣ Его появился въ этотъ міръ съ его безконечностью во времени и пространствѣ и долженъ пробыть въ немъ нѣкоторое время и навсегда исчезнуть. Если же это такъ, то очевидно, что жить для устройства своей жизни безумно, и имѣетъ смыслъ только одно — исполнять волю Того, кто послалъ въ этотъ міръ для цѣлей этой воли. Какая же это цѣль? Конечной цѣли я знать не могу, такъ какъ она скрывается отъ меня въ безконечности, но средство достиженія ея я могу знать. Средство достиженія есть то самое стремленіе къ благу, которое составляетъ сущность моей жизни, но благо не мое, а благо всего міра. Цѣль, доступная мнѣ, есть благо всего міра, мое же стремленіе къ благу есть только указаніе того,

что я долженъ искать для міра. Такъ что только ясное пониманіе положенія человѣка въ мірѣ и открываетъ ему истинную вѣру въ Бога и въ законъ Его. Изъ этого сознанія своего положенія само собою вытекаетъ покорность волѣ Бога, признаніе равенства всѣхъ людей, любовь къ нимъ и служеніе имъ и основные законы жизни: дѣланіе другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Весь законъ Бога, вытекающій изъ сознанія своего положенія, — въ покорности волѣ Божьей и въ любви къ ближнему и служеніи ему. Въ этомъ — основа всякой вѣргы. Это не значитъ то, что не можетъ быть другихъ, многнхъ нужныхъ религіозныхъ правилъ, которыя опредѣляютъ приложеніе этого закона къ разнымъ случаямъ жизни. Такія правила есть въ книгахъ Ведъ и въ буддизмѣ, и въ древне еврейскихъ, и въ Евангеліи, и въ послѣдующихъ нравственныхъ ученіяхъ. Таковы заповѣди Моисея, не всѣ, а заповѣди: не убій, не прелюбодѣйствуй; таковы заповѣди Ману: не лги, не предавайся пьянству; таковы заповѣди буддизма о состраданіи къ животнымъ; таковы великія пять заповѣдей Христа, охватывающія всю жизнь людей: 1) не гнѣвайся; 2) не предавайся похоти; 3) не клянись; 4) не дѣлай насилія; 5) люби враговъ.

Приложенія заповѣдей, вытекающихъ изъ основного закона покорности волѣ Божьей и любви къ ближнему, можетъ быть большое, постоянно увеличивающееся, по обстоятельствамъ, количество. Тотъ, кто понялъ свое положеніе и усвоилъ основной законъ, вытекающій изъ этого положенія, владѣетъ ключомъ къ религіозно-нравственной истинѣ и самъ будетъ выводить изъ этого начала нужныя ему для его жизни правила-заповѣди.

Все дѣло въ томъ, чтобы не обманывать себя, а знать свое положеніе въ мірѣ. Если только знаешь, понимаешь это положеніе, знаешь, что нельзя жить для своего блага, а жизнь есть жизнь, только когда принимаешь ее какъ данную тебѣ отъ Бога, для служенія Ему, что ты слуга, рабъ, орудіе Бога и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ Его, — то жизнь перестаетъ быть бессмысленной, перестаетъ быть страданіемъ, а становится благомъ и и для себя и для всего міра. Все въ этомъ признаніи своего положенія. Изъ него и покорность волѣ Бога, и признаніе равенства, братства и любви къ ближнимъ, и служеніе имъ, и взаимная помощь и радость.

Только бы поняли люди, что смыслъ ихъ жизни — въ служеніи Богу, и вмѣсто ужаса и страданій теперешней жизни людей установились бы радость и благо наступающаго Царства Божія. И всетолько оттого,

что люди перестали заблуждаться и поняли свое настоящее положеніе.

Братья и сестры, ради своей жизни (важнѣе ея вѣдь нѣтъ ничего) подумайте объ этомъ. Остановитесь жить. Подумайте о томъ, что вы, гдѣ вы и что васъ ожидаетъ. Вѣдь жизнь, какую мы знаемъ, одна. За что же, зачѣмъ же погубить ее? Поймите, что все, что представляется намъ важнымъ, — удовольствія, радости и богатства, отечество, приличія, привычки, слава, — все это ничто въ сравненіи съ главнымъ истиннымъ назначеніемъ жизни, съ исполненіемъ воли Бога. Измѣните свою жизнь, и не потому, что это велитъ кто-нибудь, а потому, что въ этомъ благо ваше и всего міра. И не вѣрьте ни тѣмъ, которые будутъ говорить вамъ, что это невозможно, что люди неисправимы, по тому что они пали, ни тѣмъ, еще худшимъ обманщикамъ, которые скажутъ, что это невозможно, что люди измѣняются и улучшаютъ свою жизнь по законамъ историческимъ, соціологическимъ, которые они знаютъ или изучаютъ. Не вѣрьте ни тѣмъ ни другимъ, а живите во всю силу своей жизни и своего разума, а остальное предоставьте Богу.

Я жилъ дурно, безумно, такъ, какъ всѣ; но потомъ, почти 30 лѣтъ тому назадъ, мнѣ открылась истина, и съ тѣхъ поръ жизнь моя стала другая, спокойная, счастливая, радостная, и что дальше, что ближе къ смерти, то лучше.

И повѣрьте, что то же будетъ и съ вами. Не можетъ не быть, потому что жить трудно только противно закону жизни, закону Бога. Жизнь же согласно съ нимъ есть непрерывающаяся радость до самой смерти и въ самой смерти, какъ Онъ и хочетъ этого. Смерть страшна вѣдь только тому, кто не вѣритъ въ Бога, или вѣритъ въ злого Бога, что то же самое. Для того же, кто вѣритъ въ Бога, въ благодать Его и живетъ въ этой жизни по Его закону, кто испыталъ благодать Его, для того смерть есть только переходъ изъ одного опредѣленнаго Имъ состоянія (оказавшагося благомъ) въ другое, неизвѣстное состояніе, но Имъ же опредѣленное и потому долженствующее быть такимъ же олагомъ.

1905 г.